

Love story

Алекс Вуд

Истинный
джентльмен

Алекс Вуд

ИСТИННЫЙ ДЖЕНТЛЬМЕН

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=328192
Истинный джентльмен: Панорама; Москва; 2006
ISBN 5-7024-2194-9

Аннотация

Майкла Фоссета любят две женщины. Они обе достойны ответной любви. Селин – прекрасная, талантливая, обольстительная... Вероника – очаровательная, веселая, непосредственная... Его нестерпимо тянет к одной из них, но жаль огорчить и другую. Он истинный джентльмен, поэтому делает выбор, который подсказывает ему совесть, а не сердце... Но разве сердце обманешь?..

Содержание

1	4
2	9
3	14
4	19
5	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Алекс Вуд

ИСТИННЫЙ ДЖЕНТЛЬМЕН

1

Майкл Фоссет

Когда юное привлекательное создание признается в любви мужчине, чье сердце свободно... То есть почти свободно... Вернее, не свободно, но это не имеет никакого значения... Тьфу, совсем я запутался. Никогда не умел говорить о нежных чувствах. Одним словом, когда красивая девушка первая говорит мужчине, что любит его, причем делает это с такой искренностью, как Вероника Маунтрой, ему ничего не остается делать, как ответить ей тем же. Если не сердцем, то хотя бы словами. Истинный джентльмен просто не имеет права поступить иначе, а я, Майкл Реджинальд Фоссет, всегда считал себя джентльменом.

Вы бы видели, как вспыхнуло личико юной Вероники, когда я поцеловал ее хорошенькую маленькую ручку! Я сказал, что ее признание сделало меня счастливейшим из смертных, потому что с той самой минуты, как я увидел ее, я не знал покоя. Эта полуправда далась мне сравнительно легко. Я действительно не знал в последнее время покоя, вот только прелестная мисс Маунтрой была здесь совсем не причем.

Хотя Вероника об этом не узнала.

– Ах, Майк! – воскликнула она и прижала ладони к щечкам, красным как маки.

У меня противно заныло сердце, но обратного хода не было. С девушками вроде Вероники Маунтрой не шутят. Ее отец для этого слишком богат и влиятелен. Я набрался храбрости, посмотрел ей в глаза и, сознавая, что делаю величайшую глупость в своей жизни, произнес:

– Скажите, Вероника, вы согласны стать моей женой?

В глубине моей благородной души мелькнула крохотная надежда на то, что она, может быть, откажется. Как джентльмен я не мог поступить иначе. Но ведь ей-то ничто не мешало ответить «нет» и спасти меня от неминуемой гибели. Но глаза Вероники заблестели, словно ей туда воды накапали, и я с ужасом понял, что надеяться было глупо.

– Конечно, да! – закричала она во все горло и повисла у меня на шее.

Сопротивляться я не стал, все-таки воспитанный мужчина. Но вот юной Веронике лучше бы не забывать о правилах приличия. На балкон, где происходило наше сентиментальное объяснение, вполне могли зайти посторонние люди и сделать не самые приятные для нас выводы.

Слава Богу, обошлось.

– Я завтра же поговорю с вашими родителями, – сказал я и аккуратно коснулся губами ее волос. – Наверное, мне следовало сначала обсудить все с ними, а уже потом...

По вполне понятным причинам я запнулся. Если бы не сегодняшняя откровенность Вероники, никакого разговора не было бы вообще. Но долг настоящего мужчины – все устроить так, чтобы прекрасная дама не догадалась, как в действительности обстоят дела.

– Какие родители, – засмеялась Вероника. – Ты же ведь не на них жениться собираешься.

Она потерлась щекой о лацкан моего пиджака и подняла свое хорошенькое личико вверх. Ее алые пухлые губки были полуоткрыты, а в глазах застыло какое-то особенное выражение, которое я никак не мог разгадать. На секунду меня посетила кощунственная мысль, что Вероника напрашивается на поцелуй, но я тут же с негодованием отверг ее. Она

слишком юна и непорочна, чтобы так вести себя. Разве может девушка, которой едва исполнилось девятнадцать, быть столь беззастенчивой? Тем более, дочь Маунтроев.

Эта семья была известна всем. Родовита настолько, чтобы быть допущенной в лучшие дома Лондона, и вполне богата, чтобы позволить себе роскошь одеваться у парижских модельеров. Вероника была единственным отпрыском лорда Маунтроя, который в свои пятьдесят восемь лет был слишком стар для такой юной дочери. Леди Маунтрой была моложе мужа на восемнадцать лет, звалась в девичестве Кэтрин Тернер и происходила из очень богатой американской семьи. Может быть, Маунтрой этой женитьбой и бросил пятно на фамильное имя, но уж свое финансовое положение точно улучшил.

Веронику баловали так, как ни одну девочку в Лондоне, а, может быть, и во всем мире. Она с детства получала все, чего могло только пожелать ее сердце. Когда ей исполнилось пятнадцать, стало ясно, что она унаследовала яркую красоту своей матери. Веронику Маунтрой по праву называли первой красавицей Лондона и самой завидной невестой Англии. Мужчины вертелись вокруг нее как назойливые осы рядом со сладкой грушей, однако Вероника легкомысленно отвергала все предложения.

– Я слишком молода, чтобы выходить замуж! – хохотала она в ответ на робкие намеки отца, которому не терпелось подобрать для дочурки достойного мужа.

Мне в страшном сне не могло присниться, что это хорошенькое взбалмошное создание обратит свой благосклонный взор на меня. Меня представили Веронике Маунтрой два с половиной года назад на помолвке ее кузена. Потом мы регулярно встречались в Опере и на выставках, светских приемах и раутах, то есть везде, где люди нашего круга просто обязаны бывать. Несколько раз мне даже пришлось пригласить ее на танец, хотя танцую я отвратительно. Но ничего больше. Естественно, Вероника кокетничала со мной, как с любым мужчиной моложе сорока пяти лет, но я никогда не придавал значения ее улыбкам и взглядам. Как оказалось, напрасно.

Случилось все на приеме, который давала леди Саутгемптон в честь своего... О, нет. Дни рождения эта достойная леди не отмечает уже лет двадцать, однако раз в год она собирает друзей в своем лондонском особняке, чтобы повеселиться от души. Две недели назад я получил надушенную записочку на плотной бумаге с розоватым отливом (как будто нельзя было позвонить!), где говорилось, что леди Саутгемптон будет рада видеть меня у себя в гостях в субботу двадцать восьмого в Лайонз Хаус. Смокинг обязателен, гостей ожидают к шести часам.

Ничем меня это приглашение не порадовало. Агата Саутгемптон – вредная тетка, которая ведет себя совсем не по возрасту и обожает распускать сплетни. Но отказаться я не мог, потому что... Эх, нет ни одной причины. Не мог и все. Джентльмен должен соблюдать приличия, даже если ему этого очень не хочется!

Прием был самый обыкновенный, я на таких всегда скучаю. Множество знакомых лиц, пустые разговоры, крошечные бутербродики и море шампанского, от которого впоследствии ужасно болит голова. Хотя не исключено, что голова болит от светской болтовни, когда ты вынужден говорить совсем не то, что думаешь. Леди Саутгемптон была как обычно очень мила и с готовностью демонстрировала свои искусственные жемчужные зубки. Утверждают, что в молодости она была замечательной красавицей. Спорить не буду – не знаю. Но ужасно нудной она тоже наверняка была!

Спасаясь от излишне навязчивого внимания хозяйки, я уединился с бокалом шампанского на балконе. При наличии воображения можно было легко представить себе, что на самом деле я нахожусь не в сердце Лондона, а в какой-нибудь тенистой части южного Кента, и этот великолепный особняк целиком принадлежит мне, и в нем, естественно, нет ни одной живой души...

– О, Майк, как здорово, что ты ото всех сбежал! Можно я к тебе присоединюсь?

Мое блаженное уединение нарушил звонкий девичий голосок. Наверное, мне следовало укрыться где-нибудь под деревом в неосвещенном парке.

– Разумеется, Вероника, – вежливо произнес я. – Буду только рад.

Она хихикнула в ответ и встала рядом со мной. По-моему, чересчур близко. Я не люблю, когда посторонние люди вторгаются в мое жизненное пространство, даже такие симпатичные, как Вероника Маунтрой.

Она действительно была хороша. Представьте себе черные глаза-вишенки, прелестно очерченный ротик, всегда готовый смеяться, нежные щечки, с которых еще не сошла детская округлость. Прибавьте к этому кокетливые ямочки, задорный смех и копну пышных темных волос, и вы получите примерный портрет Вероники Маунтрой. Примерный, потому что никакими словами нельзя описать ту бурлящую энергию, которую источало все ее тело. В ней было так много еще наивной непосредственности, которая навсегда стирается после нескольких светских сезонов и которая не может не трогать сердце! Вероника была как солнечный лучик ранним утром или звонкоголосый жаворонок или как щенок ньюфаундленда, веселое беззаботное создание, вызывающее снисходительные улыбки и радостный смех.

Впрочем, некоторые относились к Веронике вполне серьезно. Я был лично знаком с тремя молодыми людьми, которые настойчиво ухаживали за ней. Поговаривали, что с начала этого сезона она уже отвергла четверых претендентов на свою руку, а один бедолага с горя даже отправился в Китай. Разумеется, я совершенно не интересуюсь сплетнями, но порой приходится выслушивать разные глупости. Никто не сомневался в том, что Веронику Маунтрой ждет великое будущее кокетки и покорительницы мужчин. Конечно, если ее отец не найдет какой-нибудь способ выдать ее поскорее замуж.

Хотя одно другому не мешает.

Однако в тот вечер на балконе Вероника была как никогда задумчива и молчалива. Если бы я знал тогда, что это предвещает, я бы бежал от коварной девчонки на другой конец Земли! Увы, я и не догадывался, какие тучи сгустились над моей головой...

– Ужасно скучно здесь, правда? – вздохнула Вероника.

Она стояла так близко, что ее горячий локоток касался моего. Я всерьез беспокоился из-за того, что она может решить, что я пользуюсь случаем и специально прижимаюсь к ней. Но отодвигаться было как-то неудобно, и я замер на месте, надеясь, что Веронике скоро со мной наскучит. Кто я такой, чтобы развлекать прелестную юную особу?

Но Вероника не торопилась уходить. Похоже было, что она собирается разговорить меня.

– У Агаты всегда бывает скучно, – упорно продолжала Вероника.

Зачем же ты тогда сюда приехала? – захотелось спросить мне. До чего же противная привычка – в лицо изображать радушие и дружбу, а за глаза говорить гадости! Но джентльмену не пристало уличать даму в низменных помыслах и действиях. Можно лишь тонко намекнуть...

– На приемы леди Саутгемптон мечтает попасть весь Лондон, – произнес я значительно. Некрасиво молодой леди обсуждать хозяйку дома.

Кажется, Вероника меня поняла, потому что она недовольно засопела и отодвинулась от меня. Вот и славно.

– А почему ты сюда пришел? – спросила она с любопытством.

Ну что с ней было делать?

– Думаю, по той же самой причине, что и все остальные гости, – вежливо ответил я. – Меня пригласила леди Агата.

– Но ведь ты мог бы и не приходить, – настаивала негодная девчонка. – Всем известно, что Майкл Фоссет не большой любитель приемов.

Хотелось бы знать, кому это известно и кто меня обсуждает!

– Леди Агата давняя приятельница моей семьи, – сдержанно произнес я. – Это обязывает меня вести себя соответственно...

– Ах, да, – перебила меня Вероника. – Я забыла. Ты всегда делаешь то, что обязан.

Сказано это было с такой горечью, что я не обиделся, а удивился. Неужели я случайно задел чувства Вероники? Насколько я помню, мне не в чем себя упрекнуть. Я могу быть резок с мужчинами, но с женщинами я безупречно вежлив!

– А вот я пришла сюда ради тебя, – продолжала Вероника все с той же непонятной мне интонацией. – Я знала, что ты будешь, и согласилась прийти только для того, чтобы увидеть тебя.

Я похолодел. Что она хочет этим сказать? Я осторожно покосился на девушку. К счастью, она смотрела не на меня, а вниз. Я точно знал, что все, что бы я ни сказал сейчас, прозвучит глупо. Но молчать было невозможно, и я пробормотал:

– П-почему?

Она вскинула голову, и я невольно отшатнулся. В глазах ее горел огонь вдохновения. Я никогда не думал, что лицо женщины способно так меняться...

– Я так больше не могу, Майк! – воскликнула она. – Пусть меня называют дурой, но я не буду молчать!

Я открыл было рот, чтобы заметить, что она чересчур самокритична, но Вероника не дала и слова вымолвить. Она сказала такое, от чего все возражения благополучно вылетели у меня из головы, а кровь застыла в жилах.

– Я люблю тебя, Майк! С того самого момента, как мы познакомились на помолвке Джерри. Помнишь?

Я машинально кивнул.

– Вначале я очень боялась, что ты догадаешься. – Вероника заметно волновалась. – Так хотела тебе понравиться, покорить тебя, чтобы ухаживал за мной, как остальные, говорил комплименты, страдал...

Она душераздирающе вздохнула. Этот вздох мог бы растопить лед, но только не мое сердце. Хорошенькие грезы у этой очаровательной юной леди! Чтобы я стал частью ее верной свиты, был у нее на посылках и мечтал умереть от счастья после первого поцелуя!

– Но потом я поняла, что это невозможно. – Вероника закусила нижнюю губку и отвернулась.

Я позволил себе чуть усмехнуться. Ох уж мне эти избалованные красавицы...

– И также поняла, что люблю тебя не просто так, как раньше, а по-настоящему. Сильно и навсегда. Я очень тебя люблю, Майк, и мне нет дела ни до кого другого. Можешь теперь думать обо мне все, что угодно.

Она оторвала от пола свои глазщицы и подняла их на меня. Всего лишь секунду назад я готовился блеснуть красноречием и прочитать небольшую лекцию на тему о любовных иллюзиях и о сладком запретном плоде. Но было что-то в ее глазах, что меня остановило. Истинная боль, страдание... И сердце мое глухо заворчалось в груди. Эта девочка с сияющими глазами ждет от меня не нотации. Она ни на что не рассчитывает, но она надеется, со всей страстью своих девятнадцати лет...

Могу ли я обмануть ее ожидания? Признание нелегко далось ей. Какой бы легкомысленной и беспечной ни была Вероника, ей было тяжело произнести эти слова. Неужели теперь я начну рассуждать о заблуждениях юности и неправильных оценках, когда всю суть моего послания можно свести к тому, что я-то ее *не* люблю? Это жестоко, обидно и неприлично. Нет ни одной причины, по которой я не могу осчастливить сейчас юную Веронику ответным признанием. Вернее, почти ни одной, но об этом не стоит даже и упоминать...

– Вероника, я должен сказать, что ты застала меня врасплох, – сказал я.

Отчаяние, промелькнувшее в ее глазах, заставило меня поторопиться.

– Но я счастлив, что ты решилась открыться мне. Я бы не смог заговорить с тобой первым... Ты слишком молода, слишком красива, чтобы я осмелился...

Я запутался и замолчал, но Вероника, кажется, истолковала паузу в свою пользу. Она растерянно заморгала, а потом вдруг улыбнулась.

– То есть, ты хочешь сказать, что... – начала она.

Но закончить фразу я должен был сам.

– С той самой минуты, что я увидел тебя, я потерял покой, – решительно произнес я. – Я... л-люблю тебя, Вероника.

Видимо, влюбленным свойственно стремление к самообману. Женщина, не испытывающая ко мне никаких чувств, сразу бы заподозрила неладное. Из меня неважный актер, и я не сумел вдохнуть в свои слова пыл истинной любви. Однако Вероника была рада и такому признанию.

– Это чудо! – закричала она от избытка чувств. – А я то была уверена, что ты слишком холоден, чтобы влюбиться в кого-нибудь на самом деле!

Я поцеловал ее волосы. Милое наивное дитя! Что ты понимаешь в любви...

2

Вероника Маунтрой

Я влюбилась в него с первого взгляда и на всю жизнь. Думаете, такого не бывает? Еще как бывает!

Мне было семнадцать, когда мой кузен Джерри (вообще-то Джеральд Астор, граф Рочестер, но для меня просто Джерри) вздумал жениться на французской танцовщице. Шуму было немало, но двадцатый век – не пятнадцатый, и попробуй запрети кому-нибудь выбрать себе пару по сердцу. Я бы, например, весь город разнесла, если бы *rara* стал навязывать мне кого-нибудь! Так и Джерри поступил всем вопреки. Молодец. Хоть что-то в жизни сам сделал.

Помолвка была изумительной. Отец Джерри еще богаче моего (хотя, кажется, что это вряд ли возможно) и затеял настоящее пиршество. Невеста, вся усыпанная драгоценными камнями, цепко держала Джерри под руку. Еще бы, такой жених подвернулся! Пусть не красавец, зато богат и из приличной семьи. Девушкам из низов приходится думать о таких пустяках. Истинной любви они не могут себе позволить.

На помолвке я веселилась от души. Тогда все эти светские мероприятия мне еще не надоели. Выглядела я неплохо – в платье лазурно-голубого цвета, который почему-то считают прерогативой блондинок, но который отлично подходит мне, брюнетке. Мимоходом разбила парочку сердец. Какой-то французский промышленник с круглым животом и выпученными глазами таранился на меня весь день, да давний приятель Джерри открыто объявил себя моим поклонником. Многие девицы не сводили с меня ненавидящих глаз, что говорило о том, что все идет, как надо.

И тут появился Он и все испортил. Я не знаю, почему он опоздал, но он пришел, когда кольцо уже красовалось на руке страшно довольной Франсуазы. Под воздействием шампанского Джерри потащил нового гостя знакомиться со всеми, в том числе и со мной.

– Майк Фоссет, мой старый приятель, – хохотнул Джерри, хлопая Майкла по плечу. – А это моя крошечная кузина Ники...

Тот едва заметно поморщился. Манеры моего кузена явно пришлись ему не по вкусу.

– Майкл Реджинальд Фоссет, – сухо представился он и протянул мне руку.

– Вероника Маунтрой, – ответила я, робко пожала его пальцы, заглянула ему в лицо и пропала навеки.

Глаза у него были изумительные. Светло-голубые, ясные, строгие. Как две льдинки. Ресницы пушистые, длинные, совсем как у меня после того, как по ним пройдет щеточка туши. Брови темные, ровные, не толстые и не тонкие, а как раз такие, какие нужно. Нос прямой, с небольшой горбинкой, губы нежно-розовые, а волосы блестящие, каштановые, целиком закрывающие уши. И при всем этом он ничуть не походил на девушку. Сразу было видно, что это мужчина серьезный, сдержанный, знающий, что положено, а что нет. Среди моих знакомых таких не водилось.

Потом я выяснила, что ему тридцать лет, он – сын баронета, изучал в Оксфорде историю Древних веков и никогда не был женат. Последнее, естественно, самое важное.

Правда, Джерри, источник всех основных сведений, сразу предупредил меня:

– Фоссет – человек особенный. Представитель старой аристократии, так сказать. Старомодный и скучный тип, хотя и отличный малый. Надежный и порядочный. Но тебе не по зубам, сестричка.

– Хочешь сказать, я недостаточно для него хороша? – оскорбилась я.

Джерри понял, что дал маху, и принялся извиняться. А из его сбивчивых пояснений мне стало ясно, что он имеет в виду. Майкл Фоссет не такой, как большинство наших знакомых. Он не прожигатель жизни и не светский лев. Член нескольких исторических обществ, печатает статьи в серьезных научных журналах и мечтает об участии в археологической экспедиции. С женщинами ведет себя безупречно и ни разу(!) не давал повода для сплетен. Несколько признанных красавиц напрасно пробовали на нем свои чары. Покорить Фоссета ни одной не было по силам.

– Так что, малышка, найди себе другой объект для охоты, – подытожил Джерри. – Не трать на Фоссета время.

Думаете, меня это остановило? Ни за что! Только подстегнуло мой интерес.

Второй раз я увидела Майкла в парижской Гранд-Опера. Если честно, терпеть не могу оперу, но есть места, где девушка из общества обязана бывать. Насколько я знаю, раньше в театры приходили не столько спектакли смотреть, сколько себя показывать. Такой подход нравится мне намного больше. Никакого лицемерия на тему «увлечения искусством».

С помолвки прошло уже три дня, но лицо Майкла по-прежнему стояло у меня перед глазами. Поэтому, когда я разглядела его в ложе напротив, я ни капли не удивилась. Судьба была просто обязана свести нас второй раз. На помолвке я слишком растерялась и не смогла ничего предпринять. Зато сейчас я была предупреждена и вооружена и собиралась укрепить наше парижское знакомство так, чтобы продолжить его в Лондоне. Майкл Фоссет мне не по зубам? Еще посмотрим, Джерри!

Театр был битком набит от партера до галерки. Давали «Тоску» с какой-то прославленной парижской певицей в главной роли. Сельма... или Селина... вечно эти французские имена вылетают у меня из головы. Видимо, она действительно хорошо поет, раз посмотреть на нее пришло столько людей!

Сидеть в ложе было удобно и приятно. Можно было спрятаться в глубине и потягивать прохладительные напитки, разглядывая зрителей и убранство зала. Но прятаться мне было не с руки. Мне нужно было, чтобы меня заметили. Я села вперед, облокотилась о край ложи и принялась рассматривать в бинокль зрительный зал. Я знаю, это невежливо, но когда тебе семнадцать, и ты наполовину американка, люди считают, что это все объясняет и извиняет.

Бинокль был хороший, и я во всех подробностях изучила лицо Майкла. Он был все так же красив и невозмутим. Даже мое пристальное разглядывание (а я уверена, он его заметил!) его не смутило. В ложе Майкла сидели еще двое. Совершенно не заслуживающие внимания типы. Один – владелец медных рудников в Мексике, второй – немецкий граф, изучающий в Париже живопись. Я познакомилась с обоими в прошлом году и даже была два дня влюблена в художника. Но разве его можно сравнивать с Майклом!

Джерри за моей спиной любезничал со своей невестой, и я мысленно похвалила себя за то, что пошла в Гранд-Опера именно с ним.

– Джерри, в ложе напротив сидит твой друг, Майкл Фоссет, – сказала я, не поворачиваясь. – Позови его к нам.

Джерри оторвался от Франсуазы и пересел ко мне поближе.

– Я не могу кричать ему через весь зрительный зал, – справедливо заметил он.

– Тогда сходи за ним. Ему наверняка скучно одному.

– Насколько я знаю Майка, в опере он предпочитает слушать музыку, а не болтать с соседями.

Тут уж я разозлилась. Если бы я лучше знала Гранд-Опера, я бы сама сходила за Майклом. В наше время на все формальности этикета можно смело наплевать. Но ведь я обязательно заплутаю на этих бесконечных лестницах и никогда не разыщу ложу Майкла без посторонней помощи.

– Позови его немедленно, – прошипела я.

Как не повезло бедняжке Франсуазе! Джерри хоть и богат, но упрям невыносимо. Ей придется мучиться с ним из-за каждого бриллиантового кольца!

Через семь минут (я по часам засекала) Майкл Фоссет вошел в нашу ложу. Он был еще красивее, чем я его запомнила. Джерри, который вообще-то недурен собой, смотрелся на его фоне жалко. Мужчина не имеет права выглядеть так, как Майк. Тем более мужчина, в глазах которого нет ни капли интереса к женщинам.

Я завела светскую беседу. Джерри и Франсуаза помогали по мере сил, Майкл отделился односложными ответами. А потом погас свет, и началось представление. Как и предупреждал Джерри, разговоры пришлось прекратить. Майк действительно пришел слушать музыку. Я стиснула зубы и смирилась, но под причитания оперной дивы о великой страсти я поняла, что на этот раз влюбилась по-настоящему. У меня было достаточно глупых увлечений, и часто я думала, что люблю. Но ничего, что я испытывала раньше, не могло сравниться с тем чувством, которое вызывал во мне Майк...

Он весь отдался музыке. Я чуть повернула голову и краешком глаза наблюдала за ним. Его лицо светилось... нет, я не смогу описать это выражение. Сама я не очень люблю музыку, и эти безумные восторги мне непонятны. Но Майкл словно парил вместе со звуком и взмывал под крышу театра с голосом Тоски... Кстати, француженка и вправду была ничего. Черненькая, хорошенькая, и пела приятно. Правда, сценический макияж из любой уродины может сделать красавицу.

Когда в зале зажегся свет, Майкл стал растерянно озираться по сторонам, как будто только что очнулся от сладкого сна и не понимает, где находится. Но мы с Джерри быстро вернули его на землю. Я была с Майклом очень мила и заручилась его твердым обещанием бывать у нас в Лондоне.

Обещания он, правда, не сдержал. Я-то планировала, что он будет часто приходить к нам, как на открытые приемы, так и на закрытые вечера, но он лишь один раз заглянул в наш особняк на Лесестер Стрит, никого не застал дома и оставил визитную карточку. И больше не пытался навестить меня. Ну что за глупость – не положено по этикету! Какая разница, кто к кому сколько раз зашел в гости. Мы же не в девятнадцатом веке живем!

Но Майкла уже не переделаешь, и я начала самую настоящую охоту. Естественно так, чтобы никто об этом не догадался. Еще не хватало, чтобы пошли слухи, что я без ума влюбилась и бегаю за мужчиной! Как бы Майк ни сторонился общества, он был вынужден хоть где-то бывать, и я прикладывала максимум усилий, чтобы оказываться в том же самом месте в то же самое время. Это было нетрудно. У меня масса знакомых и друзей в Лондоне, и никто не удивлялся тому, что девушка вроде меня стремится к бурным развлечениям.

Два с половиной года я блистала на приемах и участвовала в благотворительных аукционах, посещала все театральные премьеры и скучнейшие выставки. Два с половиной года я поддерживала все знакомства, с помощью которых я могла лишним раз встретиться с Майком. Два с половиной года я стойчески выдерживала атаки поклонников, среди которых попадались весьма достойные и красивые молодые люди. Два с половиной года я испытывала терпение отца, желавшего удачно выдать меня замуж. Но любовь моя за это время не уменьшилась, а разгорелась с новой силой. И когда я поняла, что не в состоянии больше терпеть, я отважилась на решительный шаг.

Что я потеряю, спросила я себя, если признаюсь ему? Он должен знать, что творится в моем сердце, потому что иначе я просто лопну. Он джентльмен, и мне нечего бояться. Нет ничего ужасного в том, чтобы самой сделать первый шаг. Может быть, мое чувство не так уж безответно, как мне кажется. Вокруг меня все время толпятся мужчины, и Майкл просто не пожелал присоединиться к ним. Он слишком гордый, независимый и застенчивый. Я обязана ему помочь.

Вот так рассуждала я примерно месяц и оказалась на удивление права. Я решила признаться во всем Майклу на приеме у Агаты Саутгемптон. Она обычно приглашает массу людей, и мне будет легко затеряться в толпе и подкараулить Майкла. Фоссетты – давние друзья Агаты, и я не сомневалась, что Майк будет присутствовать на торжестве.

Все оказалось не так просто. Как только я переступила порог бальной залы ее особняка на Гровер Авеню, меня окружили поклонники. Был и Роджер Айкис, и Сэм, и Тимоти, и еще какой-то высоченный блондин, чье имя вылетело у меня из головы. В любое другое время я была бы на седьмом небе от счастья. Приятный вечер в окружении приятных мужчин на виду у всех незамужних девиц Лондона. Что может быть прекраснее? Но, как назло, мне как воздух было необходимо одиночество. Что толку выслеживать Майкла, если за мной самой наблюдают настороженно и восхищенно?

Только к концу вечера мне удалось незаметно проскользнуть на балкон, где полчаса назад скрылся Майк. Я не сомневалась, что он там один. В крайнем случае, с приятелем. За два с половиной года я выучила, что он никогда не позволяет себе компрометировать даму, уединяясь с ней. Бывало, конечно, что дамы сами искали его общества (как, например, сейчас я), но он изящно избавлялся от всех преследований.

Но от меня ему убежать не удалось. Куда с балкона убежишь?

По правде говоря, мне показалось, что мое появление не привело его в восторг. Но одно удовольствие иметь дело с истинным джентльменом – Майк и глазом не моргнул, когда я нахально встала рядом с ним. Не знаю, откуда у меня взялись силы сказать ему все, что я сказала. Робкой меня не назовешь, но я уже успела заметить, что в его присутствии я теряю дар речи и становлюсь похожей на воспитанницу закрытого католического колледжа. . . Тогда я прилагала усилия, чтобы смотреть куда угодно, но только не на него. Темное небо без единой звезды, редкие фонари в парке Агаты Саутгемптон, деревянные балконные перила, каменная кладка пола – я все изучила досконально, пока мой язык безудержно выбалтывал мои сердечные тайны. Стоило мне только взглянуть на Майка, все, меня прошибал холодный пот и появлялось заикание.

К тому же он ничем мне не помог. Если бы я призналась в любви тому же Тимоти или Сэму, они бы упали на колени и принялись бы целовать мои ноги. От Майкла я, естественно, не ждала такого. Но и стоять истуканом ему тоже было непозволительно. Но он стоял и хлопал длинными ресницами, и у него было такое выражение лица, что мне хотелось залепить ему пощечину.

Какое счастье, что я этого не сделала. Потому что как только я закончила, он... он... При воспоминании об этом мне хочется смеяться как сумасшедшей! Майк любит меня! Майкл Фоссет сам сказал, что любит меня и хочет на мне жениться! Я была права – неуверенность в себе мешала ему первому заговорить со мной о любви. Я – блестящая Вероника Маунтрой, первая красавица Лондона, богатая невеста и завидная партия. А он всего лишь заурядный историк, не достойный такого счастья. Его собственные слова. Дурачок! Он – самый замечательный мужчина на свете! Не так богат, как *rara*, конечно, но моих денег с лихвой хватит на двоих. Майка не должно это угнетать. При мысли о том, что все два с половиной года, что я терзалась от неразделенной любви, он просто был ослеплен моей красотой, меня тянет выцарапать его прекрасные глаза. Зачем они ему, если он настолько слеп?

Но я так счастлива, что легко простила его. В его объятиях я могла простить все и всем. Майкл обнимал меня очень осторожно, словно хрупкую статуэтку, которая может в любой момент развалиться на мелкие кусочки. Бедный мальчик! Как ему трудно привыкнуть к мысли о том, что я его люблю. Неудивительно, что его руки дрожат, а нежные слова застревают в горле. Ничего, у него будет целая жизнь, чтобы рассказать мне о своей любви!

Это был незабываемый вечер. Где-то в двух шагах от нас веселится толпа, ест, пьет, танцует, кокетничает. Наверное, многие недоумевают по поводу того, куда запропастилась

мисс Маунтрой, украшение приема... А мисс Маунтрой забила в темный уголок балкона и мечтает (неслыханное дело!), чтобы весь мир забыл о ней!

Если бы это было возможно, мы бы с Майком удрали с приема и отправились бы вдвоем гулять... Но он прав – это неприлично, Агата Саутгемптон обидится и начнет распускать сплетни. А Майк хочет, чтобы у нас все было идеально! Он такой милый...

Вечер немного портило лишь то, что он так и не отважился поцеловать меня. Я подставляла ему губы и так, и этак, но он либо трусил, либо не понимал. Как он недогадлив! Единственная ласка, на которую он решился, это поцеловать мои волосы. Надеюсь, в медовый месяц он не будет так со мной осторожничать.

До сих пор не могу поверить в то, что выхожу за него замуж!

3

Майкл Фоссет

Я невнятно бормотал себе под нос любовную чепуху, но мысли мои были, увы, не с девушкой, которая так неожиданно стала моей невестой. Я размышлял о женской наивности, если не сказать *самонадеянности*. Из того, что я не гоняюсь за красотками, как большинство моих знакомых, Вероника сделала вывод, что чувство любви мне незнакомо. Удивительная логика! Она была бы разочарована, если бы знала правду. К сожалению, я слишком хорошо знаю, что такое любовь. В первую очередь это боль, которую ничем не успокоить. И разум абсолютно бессилён перед чувством, как крошечный катерок бессилён перед сокрушающей мощью океанского цунами.

Я познакомился с Ней два с половиной года назад. Познакомился – звучит очень самоуверенно. Скорее, я увидел Ее впервые два с половиной года назад. До этого я был уверен, что мое сердце обладает странным иммунитетом. Ни одна женщина серьезно не затрагивала его. Конечно, два или три раза я чувствовал некоторое увлечение и привязанность, но все это очень быстро проходило. Я был уверен, что с рождения обделен умением любить, особым даром, который дается не каждому... Как же я ошибался! Она в одночасье изменила все.

Два с половиной года назад судьба случайно занесла меня в Париж. Один знакомый пригласил меня на свою помолвку. Заодно я хотел присмотреть подарок матушке на день ангела. Побродить в одиночестве по старинным улочкам тоже было неплохо, и я предвкушал спокойную счастливую неделю, вдали от развлечений лондонского высшего света.

Первую половину недели я провел именно так, как планировал. Тихий неприметный отель, о существовании которого знают немногие избранные, прогулки по городу в обход традиционных туристических маршрутов, уютные кондитерские с изумительной выпечкой, мой любимый погребок на Рю де ля Франс, где готовят отличное мясо с апельсинами. Правда, пришлось однажды отвлечься на помолвку того самого Джеральда Астора, но это пустяки, всего лишь несколько зря потраченных часов.

Зато через два дня произошло событие, которое превратило меня в совершенно другого человека. Мне посчастливилось достать билет на премьеру «Тоски» в Гранд-Опера с легендарной Селин Дарнье в главной роли. Этой певице еще нет и тридцати пяти, но она по праву считается легендой. Селин все время гастролирует, и ее не так-то легко застать в Париже. В Лондон, насколько мне известно, она не приезжала ни разу. Я большой поклонник оперы, хотя и не самый большой ее знаток, и предвкушал изумительный вечер.

Правда, уже в театре я осознал, что совершил ошибку, купив билет в ложу. Там меня, естественно, обнаружили знакомые и вынудили к ним присоединиться. Как я мог наивно полагать, что в Париже мало знакомых англичан! Они встречались мне там на каждом шагу...

Однако божественная музыка Верди заставила замолчать даже моих легкомысленных соседей. В такие минуты я всегда жалею о том, что не обладаю талантом сочинять музыку, ибо ничто не в состоянии сравниться с ней в выразительности и воздействии на человеческую душу!

Хотя тут я не прав – есть нечто, что затмевает даже Музыку. Это Красота. На сцену Гранд-Опера вышла Селин Дарнье, и я забыл, кто я и где я. Красота ее поразила меня настолько, что я чуть было не вскочил с места. Селин – истинная дочь французского народа, подвижная как ртуть, энергичная, властная, с громадным запасом улыбок, от нежно-романтических до издевательских. Я никогда не видел ничего похожего на ее Тоску. Это была повелительница, величавая даже в нищенском платье, покорительница сердец, из-за кото-

рой с такой легкостью совершаются кровавые преступления! Передо мной была незаурядная актриса, и, судя по реакции зала, не я один так думал.

Однако голос Селин затмевал даже ее красоту и актерские таланты. Она пела так, что слезы наворачивались на глаза. Все остальные исполнители казались по сравнению с ней жалкими дилетантами. Слушая Селин, я понимал, что она просто не в состоянии взять неверную ноту. Пение для нее – все равно, что вода для рыбы или воздух для человека. Это ее мир, ее среда, и петь сложнейшие партии для нее также естественно и нетяжело, как для нас дышать или для птицы лететь. Я был заколдован и повержен в прах. Я сходил с ума, потому что на моих глазах совершалось чудо – богиня сошла со своего небесного трона на один вечер, чтобы продемонстрировать смертным, что в мире есть еще место истинной Красоте...

Как закончился спектакль, я не помню. Кажется, музыка стихла, и в зрительной зале вспыхнули мириады электрических лампочек. В едином порыве зрители повскакивали со своих мест и зааплодировали. Артисты кланялись, и изо всех концов зала плыли цветы, от скромных букетов до пышных корзин. Все складывали к ногам Селин Дарнье, которая с королевской простотой принимала эти знаки внимания.

Как во сне я вышел из театра. Кто-то заговаривал со мной, я что-то отвечал, не задумываясь и не видя лиц собеседников. Перед моим внутренним взором стояло лицо Селин, прекрасное, холодное и недоступное. Тогда я еще не думал о ней, как о женщине. Она была для меня неземным существом, чей необычайный блеск слепит глаза обычного человека. Я уже боготворил Селину, но еще не представлял себе, что ее можно любить...

Моя парижская неделя растянулась на целый месяц. Город потерял для меня былое очарование. Я купил билеты на все спектакли, где была задействована Селин. «Тоску» я посмотрел четырнадцать раз и выучил наизусть все либретто оперы. Я запомнил расположение актеров на сцене, их костюмы, особенности голосов, ужимки.

Лишь одна Селина не переставала удивлять меня. Она была разной на каждом спектакле. Ее Тоска была то нежной и уступчивой, то храброй и непокорной, то соблазнительной, то девически наивной, то мягкой, то неистойвой... И каждый раз она была невероятно красивой. Я уже тщательно изучил лицо Селины, но оно все равно поражало меня совершенством своих черт. Через месяц я понял, что больше не могу любоваться своим божеством на расстоянии. Мне захотелось взглянуть на нее поближе.

Устроить знакомство с мировой знаменитостью было проще, чем я предполагал. Полезно иметь связи в высшем свете, как бы я ни относился к светской жизни. Среди парижских друзей моей матери оказалось немало людей, кто давал приемы в честь примадонны Гранд-Опера. Селин Дарнье была чрезвычайно модна в то время. Я без труда получил приглашение на один из таких вечеров.

Вопреки всем мрачным ожиданиям, вблизи Селин была еще красивее, чем издали. Красивее и неприступнее. Я никогда не видел женщину, которая была бы настолько вежлива и настолько холодна одновременно. У любого ловеласа, имеющего солидный опыт в обращении со слабым полом, отнялся бы язык в ее присутствии. Что же говорить обо мне? Я ощущал себя ничтожнейшим из людей, когда ледяной взгляд Селин скользил мимо меня.

Я до сих пор не знаю, как у меня хватило смелости подойти к ней и представиться. Эта храбрость была сродни отчаянию. Если ты не сделаешь этого сегодня, сказал я себе, ты будешь обречен вечно следовать за ней безмолвной тенью. Возможно, если подойти к ней ближе, ее очарование рассеется без следа, и я перестану быть ее жалким рабом.

Хозяйка дома подвела меня к Селин.

– Позвольте представить вам, душечка, Майкла Фоссета, большого почитателя вашего таланта, – привычно проворковала она. Интересно, сколько раз за вечер ей приходилось произносить нечто подобное?

Селин посмотрела мне прямо в глаза и слегка кивнула головой. Ее лицо можно было чеканить на монетах. Идеальный овал лица и идеальный профиль. В ее лице нет ничего, что нельзя было бы назвать идеальным. Ровный прямой носик, обладать которым сочла бы за честь любая древнегреческая богиня. Точно срисовать четкий абрис ее губ могли бы только Джотто или Рафаэль, остальным такой титанический труд был бы не под силу...

Глаза Селин были способны говорить лучше, чем слова. Ее брови, ресницы и волосы были чернее воронова крыла, что, как известно, составляет один из важнейших канонов красоты древних египтян. Ее глаза кто-то вульгарно называл серыми, однако я подобрал бы для них другое описание – хрустально-жемчужные. В них нестерпимый блеск граненого стекла на ярком солнце и мягкое теплое мерцание темного жемчуга, гибкость стального клинка и веселье весеннего ручейка, пробивающегося сквозь толщу снега. В Оксфорде я писал стихи и, говорят, недурные, но сейчас я твердо знал, что обладай я даже пером Шекспира, я не сумел бы передать всю прелесть облика Селин и мое восхищение этой необыкновенной женщиной.

Она вела себя на удивление скромно, и случайный гость ни за что бы не подумал, что эта неразговорчивая девушка в лиловом вечернем платье – звезда мировой оперной сцены, и что ей рукоплескали все столицы музыкального мира. Однако не заметить Селин было невозможно. В ней было столько скрытого достоинства, что, проходя мимо нее, каждый невольно замедлял шаг.

– Вы очень любите оперу, мсье Фоссет? – спросила меня Селин.

Как хорошо я изучил ее голос, и все же от его звука у меня мурашки побежали по коже. По-английски Селин говорила с явным акцентом, но он не только не портил ее речь, но придавал ей какое-то особое очарование. Она говорила тихо, плавно, но очень отчетливо, и ее голос, казалось, достигал самых глубин моего сердца...

Я люблю вас! – чуть не вырвалось у меня. Но разве она не привыкла к подобным признаниям? Мужчины не чета мне склонялись перед ней и будут склоняться всю жизнь, потому что такая красота неподвластна годам.

– Да, – просто ответил я. – Ваша Тоска изумительна.

Селин едва заметно улыбнулась, словно мой банальный комплимент доставил ей удовольствие.

– Как долго вы еще пробудете в Париже? – услышал я собственный голос со стороны и ужаснулся. Неужели это я, Майкл Реджинальд Фоссет, спокойно беседую с женщиной, которая вот уже месяц является мне во сне?

– Еще четыре дня. – Селин вздохнула, как будто сожалела об этом. – Я очень люблю Париж, но мой гастрольный график заставляет меня двигаться дальше...

Через четыре дня ее уже не будет в Гранд-Опера! Во что превратится моя жизнь, если в ней не будет Селин?

– Но если пожелаете, вы можете послушать «Аиду» в Ла-Скала. Милан – моя следующая остановка, – улыбнулась она. – Потом Рим, Венеция и краткий тур по Восточной Европе.

Сердце у меня усмотрел бы в этих словах откровенное приглашение, но я-то знал, что для Селин они ничего не значат. Просто только что армия ее поклонников увеличилась на одного человека, а настоящая звезда никогда не упускает возможности подстегнуть интерес к себе...

– Как, должно быть, хорошо путешествовать по миру, – вежливо заметил я.

Всегда ненавидел так называемую светскую болтовню, когда абсолютные банальности изрекаются с видом откровений. Но сейчас я был счастлив, что многолетняя привычка дает мне возможность разговаривать с Селин, в то время как в голове нет ни одной мысли!

– В первые несколько месяцев, да, – кивнула она. – Но потом это ужасно надоедает. Везде одно и то же. И после спектакля, если честно, нет никаких сил для осмотра достопримечательностей. Я вижу лишь театры и гостиницы... И только сцена вознаграждает меня...

– Сцена и любовь поклонников? – предположил я.

– Да, – усмехнулась Селин. – И любовь.

Я слушал ее с открытым ртом. Я знаю, что влюбленный человек склонен выдумывать себе то, чего нет на самом деле, но я готов поклясться в том, что в глазах Селин мелькнуло какое-то особое выражение. Она словно спрашивала меня о чем-то... или намекала... или призывала к чему-то...

Но в этот момент наше уединение было нарушено. Новому гостю вздумалось побеседовать со знаменитостью, и мне пришлось отступить в сторону. Больше за весь вечер я не смог подойти к Селин и поговорить. Она все время была занята. За ней ухаживали, ей целовали руки и говорили комплименты, ее пытались увлечь, пленить, поразить...

Я никогда не был специалистом в сложной науке ухаживания за женщинами и не мог достойно соперничать со всеми этими ловкими господами, которые соревновались за право пододвинуть стул Селин или поднять упавший цветок или веер. Она как мухи жужжали вокруг нее, а она принимала ухаживания с благосклонной, но рассеянной улыбкой. Два раза мне показалось, что я поймал на себе ее внимательный заинтересованный взгляд, но, конечно, я ошибался. В каждом городе ей встречается сотня таких, как Майкл Фоссет. Королева не может помнить всех своих подданных, а им остается лишь наслаждаться ее далеким светом и не мечтать о большем!

Моей решимости помнить о Селин как о прекрасном недоступном видении хватило ненадолго. Я вернулся в Лондон, продержался ровно две недели (огромный срок, учитывая то, что о Селин я думал постоянно!) и рванул в Италию. Селин Дарнье была уже в Риме, где на первый же спектакль я послал ей корзину белых роз. Естественно, без визитной карточки. Она не должна думать, что я вульгарно пытаюсь завоевать ее расположение.

Все время, что Селин пела в Риме, я любовался ею из бельэтажа и посылал ей цветы. Таких, как я, было немало. В Риме Селин пользовалась, пожалуй, успехом даже большим, чем в Париже. Итальянцы намного экспрессивнее французов и уж тем более нас, англичан, и они приходили от Селин в неистовый восторг. А я был настолько глуп, что ревновал к каждому, кто осмеливался подойти к сцене и лично вручить красавице свой букет!

Затем была Венеция, где я попал на карнавал, устроенный специально для знаменитой певицы. На один вечер венецианский особняк на площади Святого Марка вернулся на несколько столетий назад. Домино и маски, скрывающие половину лица, костюмы, изменяющие до неузнаваемости, бесконечные танцы и фейерверки, свечи в высоких золоченых подсвечниках и конфетти... Если бы не маленькие катера за окном вместо проворных гондол, можно было подумать, что хозяин особняка и вправду изобрел машину времени и нашел способ забросить всех нас в шестнадцатое столетие.

Селин искренне наслаждалась праздником. Несмотря на маскарадный костюм, я сразу узнал ее. Только она умеет двигаться с такой грацией и достоинством, только она в состоянии носить старинное венецианское платье с пышными рукавами-фонариками с таким же шиком, как и современный наряд. Платье Селин было молочно-белого цвета из расшитой золотом парчи. Ее блестящие черные волосы были уложены в высокую замысловатую прическу. В руке она сжимала атласную маску, поблескивающую драгоценными камнями. Селин часто улыбалась и веселилась от души.

Конечно, человеку, привыкшему к сценическим костюмам, маскарад кажется приятной забавой! Я же в нелепом наряде Пьеро чувствовал себя глупо и старался не попадаться Селин на глаза. Вокруг нее были блестящие сеньоры в бархате, и проворные мушкетеры, и рыцари, и Арлекины, и пираты... Зачем ей грустный неловкий Пьеро?

И все же я столкнулся с Селин носом к носу. После очередного танца я спасался бегством от одной назойливой хохотушки Коломбины. Спрятался за колонну и буквально нале-

тел на Селин, которая обмахивалась своей маской как веером. Я обомлел и даже забыл поздороваться.

– О, мсье Фоссет! – воскликнула Селин. – Вам ужасно не идет этот костюм. Вам следовало бы нарядиться звездочетом или художником.

Я не мог вымолвить ни слова. Удивительным было то, что она узнала меня спустя три недели после нашего случайного знакомства, узнала в этом дурацком костюме. Более того, она запомнила мое имя! От счастья голова шла кругом...

– К сожалению, мне не подвернулось ничего более достойного, – ответил я. – В этом костюме я действительно выгляжу глупо.

– О нет, не глупо, – покачала головой Селин и улыбнулась так, что мое сердце на секунду перестало биться. – Просто намного красивее было бы... Хотя нет, не то...

Она нахмурилась, стараясь подобрать подходящий английский оборот.

– Другой костюм подчеркнул бы ваши достоинства, – продолжила она по-французски и начала переводить.

Но мои познания французского были достаточно глубоки.

– Боюсь, что вы ошибаетесь, – ответил я на том же языке. – Если говорить о достоинствах, наряд Пьеро – лучшее для меня решение.

Грустный поэт у ног прекрасной принцессы – что может подходить мне больше?

– Вы говорите по-французски? – удивленно воскликнула Селин.

– Немного. – Ее удивление было мне непонятно.

– Как вам не стыдно! – рассмеялась Селин. – Вы хладнокровно заставляли меня демонстрировать мой отвратительный английский, в то время как мы могли спокойно разговаривать на французском!

Видимо, кокетливо-беспечная атмосфера венецианского карнавала уже ударила Селин в голову. Иначе она ни за что бы не позволила себе расточать такие улыбки, от которых меня бросало то в жар, то в холод.

– Вы отлично говорите по-французски, мадемуазель Дарнье, – возразил я, стараясь не смотреть на ее соблазнительные губы.

– Зовите меня просто Селин, – сказала она с обезоруживающей простотой. – А я буду звать вас Мишель. Вы не против?

Против? Да я полжизни отдал бы, чтобы услышать свое имя из ее уст!

– Вы можете звать меня, как угодно, – прошептал я.

Если бы на дворе был действительно шестнадцатый век, я бы немедленно опустился перед Селин на колени и признался бы ей в любви. Но в двадцатом веке, даже на карнавале Пьеро не встают на колени перед королевами. Они слишком боятся насмешки и ревностно оберегают свои чувства...

– Значит, тогда вы будете для меня Мишелем, – торжественно произнесла Селин и вдруг положила руку мне на плечо. – Послушайте, Мишель...

Договорить она не успела. Мы были обнаружены. Люди в масках и сверкающих доспехах окружили нас и увлекли за собой Селин. А я понимал, что теперь вечно буду терзаться из-за того, что не узнал, что именно хотела сказать мне Селин Дарнье на карнавале в Венеции.

4

Вероника Маунтрой

Rara вытаращил глаза, когда узнал, что я выхожу замуж за Майкла Фоссета. Естественно, я не стала ждать, когда Майк официально придет просить у родителя моей руки. Это всего лишь пустая церемония, а я была обязана предупредить отца заранее! *Maman* до меня нет никакого дела, она слишком занята собой, поэтому я не стала ничего говорить ей. А вот как отреагирует *rara*, было мне на самом деле важно...

Он сидел в кабинете и уже собирался спать, когда я вернулась с приема Агаты Саутгемптон. Обычно я сразу шла к себе, так как с ног валилась от усталости, но на этот раз сил у меня было хоть отбавляй. Я объявила сразу с порога:

– *Rara*, радуйся. Я скоро выхожу замуж.

Бедный *rara* весь побелел.

– 3-за кого?

Я и забыла, что один из самых больших его страхов – это то, что я могу выйти замуж за «недостойного». Недостойный мужчина с папиной точки зрения – это тот, кто пытается за мой счет улучшить собственное положение. В принципе, я в этом согласна с *rara*. Но уж Майка точно нельзя отнести к этой категории!

– За Майкла Фоссета! – выпалила я и уселась в кресло у стены.

Вот тут-то я впервые поняла, что означает выражение «отвисла челюсть». У *rara* она действительно отвисла.

– За сына баронета и леди Фоссет? – зачем-то уточнил он, как будто в Лондоне есть второй Майкл Фоссет.

– Ага, – кивнула я. – Сегодня на приеме у Агаты он сделал мне предложение.

Разумеется, я не стала говорить, что все началось с меня. *Rara* не понял бы. В любом случае Майк рано или поздно нашел бы в себе силы поговорить со мной. Так что это был всего лишь вопрос времени.

– Ничего не понимаю, – пробормотал *rara* себе под нос. – Почему Фоссет не пришел сразу ко мне?

– Потому что, папочка, он хотел вначале узнать, как я к нему отношусь! – со смехом возразила я.

– И как же ты к нему относишься?

– Я же согласилась стать его женой, – невозмутимо ответила я.

Rara был ошарашен. Ошарашен и ужасно доволен. Он просто никак не мог поверить в то, что я не шучу.

– А ты меня не разыгрываешь, проказница? – настороженно поинтересовался он. – Кажется, Майкл Фоссет никогда не принадлежал к числу твоих... гм... ухажеров. Да и ты никогда не говорила, что он тебе... нравится...

Rara совсем запутался в столь деликатном вопросе и предпочел не продолжать.

– Все это время Майк любил меня издали, – твердо сказала я. – И мне он тоже нравится больше всех...

Я запнулась под пристальным взглядом *rara*. Надеюсь, он не заподозрит, что это я сделала первый шаг...

– Не смотри на меня так! – не выдержала я. – Что ты имеешь против Майка?

– Абсолютно ничего, – довольно заулыбался *rara*. – Майкл Фоссет – во всех отношениях достойный молодой человек. Правда, я не очень хорошо с ним знаком, но он намного лучше большинства из тех, кто бывает в нашем доме по твоему приглашению...

Я возмущенно фыркнула, но *rara* все равно продолжал:

– Просто все это несколько неожиданно. Я очень хочу, чтобы ты была счастлива... Фоссеты – старинный род, Майкл когда-нибудь будет баронетом... Правда, их состояние не особенно велико, ты намного его богаче...

Началось. *Rara* замечательный человек, но он не понимает элементарных вещей. Какая разница, насколько чистая у Майкла родословная и каков его банковский счет, если от одного взгляда на него я схожу с ума? Если при мысли о том, что выйду за него замуж, мне хочется закричать так, чтобы проснулся весь Лондон?

Но *rara* это все было не втолковать. Для него биение сердца – пустой звук, звон гиней и пенсов значит для него гораздо больше. Невозможно поверить, что среди его прадедов были настоящие рыцари!

– Что ж, буду с нетерпением ждать твоего Майкла, – хитро усмехнулся *rara*. – Ему придется о многом рассказать мне, прежде чем я дам согласие на ваш брак.

Я похолодела, хотя прекрасно знала, что он шутит. На самом деле он счастлив, что я наконец-то собралась замуж и что мой избранник – Майкл Фоссет. Но даже игривая шутка на тему о том, что нашу свадьбу с Майклом можно запретить, была мне неприятна.

– Я выйду за него замуж независимо от того, что ты скажешь! – выпалила я и выскочила из кабинета.

Хотя повода горячиться не было на самом деле. На следующий день Майк появился у нас с изящным букетом и на два часа заперся с отцом в кабинете. Я изнывала от тоски, но подслушивать впервые в жизни не смела. Я уже больше не взбалмошная девчонка. Я – невеста и должна вести себя прилично!

Rara, естественно, согласился. Майк не мог не очаровать его.

– Не знаю, чем ты прельстила такого мужчину, – сказал он мне после того, как Майк ушел. – Ты ведь такая... вертихвостка. Вся в мать.

Я обиделась совсем чуть-чуть. На самом деле *rara* во мне души не чаёт и таким странным образом всего лишь выразил свое восхищение Майклом.

– Надеюсь, что вы будете счастливы, – продолжил *rara*. – Вы с ним очень разные. Но Майкл – серьезный человек и, кажется, серьезно к тебе относится...

Я была настолько счастлива, что пропустила «кажется» мимо ушей.

– Он так сказал?

– Ну, прямо он не признавался в том, что любит тебя, – засмеялся *rara*. – Согласись, что это было бы немного неучтиво. Майкл джентльмен до мозга костей и никогда не позволит себе ничего лишнего.

Признаться в любви невесте – лишнее? Хотя и наполовину англичанка, я никогда не пойму этих странных людей.

– Я бы ни за что не подумал, что тебе может понравиться кто-нибудь вроде Майкла Фоссета, – *rara* рассуждал как бы сам с собой. – Не слишком ли он холоден и рассудителен для тебя, Вероника?

Да разве сердцу прикажешь? К тому же *rara* всегда хотел найти мне надежного и положительного мужа. А Майк как раз надежный и положительный.

– Ладно, дело сделано, согласие дано, – вздохнул *rara*. – Теперь пора готовиться к свадьбе.

Свадьба – самое чудесное событие в жизни девушки. И не только потому, что она выходит замуж за любимого мужчину. А еще из-за платья, и цветов, и подружек невесты, и банкета, и свадебного торта, и торжественного венчания, и слез родственников, и кортежа, и приема, и фотографий... И всего остального, что может быть связано со свадьбой. Только

представить себе лица моих подруг, когда я сообщу им, что мой жених – Майкл Фоссет? Они умрут от удивления и зависти! Дороти Клэгхорн, например, сама недавно откровенничала, что считает его безумно красивым. А Элис Риччи весь последний сезон бесстыдно кокетничала с ним. Конечно, на мое отношение к нему это никак не повлияло, но все равно приятно, что подруги оценят мое завоевание по достоинству!

Теперь у меня уйма дел. Времени поболтать с подружками почти не остается. Нужно столько всего сделать! В первую очередь – сшить подвенечное платье. У Вероники Маунтрой должно быть все самое лучшее! Я хочу, чтобы о моем наряде говорил весь город. Да и Майк заслуживает, чтобы его невеста была самой красивой и чудесно одетой.

Правда сам Майк делает вид, что ему это глубоко безразлично. Я несколько раз пыталась выяснить у него, платье какого фасона он хотел бы видеть на мне или хотя бы какого цвета, но он все время отшучивался. Как же я могу произвести на него впечатление, если не знаю, что ему нравится?

– Мне нравится все, что имеет к тебе отношение, – говорит он. Конечно, это очень приятно, но я предпочла бы более конкретный ответ.

Вообще-то я должна признать, что Майк не особенно похож на влюбленного жениха. Он не торчит в нашем доме с утра до ночи и не настаивает на свиданиях. Он всегда безупречно вежлив со мной и ни разу первым не поцеловал меня. Порой его корректность ужасно раздражает меня. Неужели его воспитание не позволяет ему хоть как-то выражать свои чувства? Или, что еще хуже, никаких глубоких чувств у него и в помине нет? Он словно плохой актер в третьесортном театре, который неубедительно играет роль героя-любownika... Мне столько раз признавались в любви, что я знаю, как должно выглядеть настоящее признание! Слова Майкла кажутся жалкой пародией... Но я стараюсь об этом не думать и уж конечно никому об этом не говорю! Еще не хватало, чтобы кто-нибудь заподозрил, как на самом деле обстоят дела с нашей помолвкой...

Как я и ожидала, мои подруги были сражены этой новостью. По всей видимости, на Майкле Фоссете они все поставили крест. А я доказала, что он не так уж безнадежен.

– Если мне сказал кто-нибудь другой, я бы ни за что не поверила, – откровенно признала Дороти Клэгхорн. – Решила бы, что это очередная сплетня.

– Майк уже просил моей руки у *papa!* – победно заявила я. – Никаких сплетен. Свадьба настоящая...

– Она еще не состоялась, – высокомерно перебила меня Элис Риччи.

Она была поражена больше всех. Наверное, до сих пор влюблена в Майка.

– Помолвка будет через месяц, – парировала я. – Вы все приглашены.

Элис поджала губы, а я решила про себя, что после того, как стану миссис Майкл Фоссет, перестану с ней общаться. Такие «подруги» мне не нужны.

– Все равно это кажется... странным, – протянула Элис томно. – Разве Фоссет не был влюблен в оперную диву, как там ее... не помню...

Про оперную диву я слышала впервые. И вздрогнула, выдав себя.

– Что, ты ничего не знаешь? – обрадовалась Элис. – Впрочем, об этом известно немногим...

Я немного пришла в себя. С Элис станется выдумать любую глупость, лишь бы побольше задеть меня. На ее месте я бы, наверное, поступила также.

– У меня нет ни одной причины сомневаться в женихе, – холодно сказала я, особенно подчеркнув слово «жених». Пусть не забывается!

– Ну не знаю, – скривилась Элис. – Только где-то полгода назад я случайно столкнулась с Майклом в Вене...

Она чуть покраснела. Как же, случайно. Держи карман шире. Как будто здесь никто не знает, что она в открытую бегала за моим Майком!

– В Венском Оперном театре как раз выступала известная французская певица. Майкл бывал на каждом представлении, присылал ей цветы и вообще вел себя как влюбленный мужчина...

– Он очень любит музыку! – разозлилась я.

– Он ходил на все приемы и вечеринки, куда была приглашена эта дамочка, – с упоением продолжала Элис. – И не сводил с нее глаз.

– Это просто предположения! – защищалась я, но уверенности у меня поубавилось.

Элис вряд ли станет настолько нагло врать, чтобы досадить мне. Что-нибудь приукрасить – это пожалуйста, но сочинить все от начала до конца...

– Поговаривали, что он ездит за ней по всей Европе, – пожала плечами Элис. – Неужели ты сама не замечала, как часто Майкл уезжает за границу в последнее время?

Мы обменялись ненавидящими взглядами. Не притворяйся, что ты ничего не понимаешь, говорили холодные глаза Элис.

Разве ты сама не отслеживала все его передвижения? Оставь в покое моего жениха, предупреждала я. Свое я буду защищать до конца!

Я сделала над собой усилие и поборолла желание вцепиться Элис в волосы.

– Если честно, прошлое Майка меня ни капли не интересует, – засмеялась я. – Мало ли какие увлечения могли быть у мужчины до свадьбы. Согласись, что если бы он не любил меня, он не стал бы говорить мне об этом и делать мне предложение?

На это Элис было нечего возразить. Я победила, но какой ценой далась мне эта победа? Я не спала целую ночь после этого разговора, все думала. Неужели Майкл действительно влюблен в другую женщину? Нет, немыслимо. Я не могу представить его, разъезжающим по Европе за какой-то певичкой, как бы хорошо она ни пела. Майк совсем не такой. Он ни за что бы не пал так низко. Всем известно, кто такие эти «звезды». Опера – не исключение. Слава портит, а Майк слишком умен, чтобы стать жертвой какой-то вульгарной дамочки. Может быть, когда-то она и увлекла его, но сейчас в его сердце я. Он слишком благороден, чтобы обманывать меня. Зачем бы он стал говорить мне о любви, если бы думал о другой? Нет, Элис просто хотела мне досадить и почти добилась этого. Но у меня нет причин для волнения. Ведь замуж за Майкла Фоссета выхожу, а не Элис Риччи или какая-то таинственная французская певица!

5 Майкл Фоссет

Разговор с отцом Вероники был не из приятных. Лорд Маунтрой в отличие от своей дочери не ослеплен любовью и устроил мне нечто вроде допроса с пристрастием. Он вел себя как заботливый отец, и я его понимаю. Единственная дочка ни с того ни с сего изъявляет желание выйти замуж. Как тут не встревожиться?

Но мне пришлось нелегко. Вероника легко поверила мне, хотя моим словам о любви недоставало пыла, но ее отец мог заподозрить неладное. К счастью, Маунтрой сам не любитель высоких слов, и моя сдержанность скорее послужила доказательством искренности. Кажется, Маунтрой мне поверил. Хотя чему я радуюсь? Не лучше было бы для меня, если бы он с позором выкинул меня из своего дома и запретил бы переступать его порог?

Вероника – очаровательная девушка. Она мила и задорна и полная противоположность мне. Иногда я ощущаю себя с ней древним старцем, мудрым, опытным и бесконечно старомодным. Вероника с такой подкупающей искренностью говорит о своей любви и нашем будущем счастье, что меня невольно захватывает наша игра в жениха и невесту. Хотя, конечно, это не игра. Для Вероники все очень серьезно, да и я отдаю себе отчет, что через некоторое время я дам обет хранить и любить эту женщину всю свою жизнь. Это мое решение, и скорее реки потекут вспять, чем я изменю его. Верность своему слову выше всего. Даже выше любви.

Но все же удивительно, как Вероника Маунтрой могла полюбить меня. Она – сама жизнь, бурлящая радость, ранняя весна. Она любит шумное веселье и хочет всегда быть в центре внимания. А меня влечет уединение и тишина. Я предпочитаю размышлять, а не разговаривать, молчать, а не смеяться. По всем правилам ей должно быть со мной скучно. Я не умею развлекать и смешить, порой мне кажется, что я в состоянии лишь нагонять тоску...

И все-таки Вероника любит меня, в этом нет никаких сомнений. Ради меня она прибрала многие светские развлечения и скорее останется со мной дома, чем поедет в гости. Загадка женской души не перестает поражать меня. Почему в одном сердце вдруг вспыхивает пламенная страсть, а другое остается равнодушно-ледяным? Почему мое лицо, которым так непосредственно восхищается Вероника, совершенно не затронуло Селин? Я был бы самым счастливым человеком в мире, если бы частичка огня в сердце Вероники перешла к Селин... Но нет. Я ничем не заслужил неземного блаженства и должен довольствоваться жалким суррогатом любви...

После венецианского карнавала я не видел Селин целых два месяца. Дела требовали моего присутствия в Лондоне, а она была связана гастрольным графиком. Я же мог только обещать себе, что последую за ней, как только смогу. Я не буду ей навязываться, думал я. Я не превращусь в назойливого безумца, который преследует ее повсюду и досаждаёт своим вниманием. Я буду любить ее издали, наслаждаться ее великим искусством и радоваться тому, что знаю, что такое истинное чувство.

Как же я был глуп! Это картиной можно любоваться на расстоянии, но не живой женщиной. Ненасытная человеческая душа требует все большего и уже не желает довольствоваться малым. Чем я хуже тех, кто забрасывает ее букетами на спектаклях? – спрашивал я себя с горечью, наблюдая за тем, как поклонники толпятся у сцены, чтобы вручить Селин цветы. Пусть на секунду, но их озаряет свет ее улыбки, в то время как я добровольно лишаю себя этого чуда.

Я перестал прятаться от Селин, и мои скромные цветы в конце каждого спектакля ложились к ее ногам. Но и этого мне вскоре стало мало. Было глупо не воспользоваться воз-

можностями, которые мне давали мои обширные знакомства. Все-таки порой очень неплохо быть сыном баронета. Даже в двадцатом веке это приносит хорошие дивиденды. Я стал появляться на вечерах, куда приглашали Селин, и быстро убедился в том, что она пусть очень красивая и одаренная, но все же женщина, а не недоступная богиня. У нее бывали приступы отвратительного настроения, она умела язвить и кокетничать, умела смотреть с ненавистью и злиться. Никто не наблюдал за ней так пристально, как я, и никто не знал о ней столько, сколько знал я.

Но ничего, кроме адской боли, это знание мне не приносило.

В то время у Селин Дарнье появился не простой поклонник. Какой-то итальянский князь с сомнительной родословной и противными черными усиками. Я сразу понял, что это за гусь, однако Селин была им очарована. Она везде появлялась с ним, и, естественно, о них стали говорить. Итальянца в открытую называли ее любовником, а я впервые понял, что не любовь – бич человека, а ревность. Почему Селин выбрала столь недостойного мужчину? Ведь всем было ясно, что он болтун и глупец. В итальянце не было ничего, кроме красивой внешности, да и то под вопросом. Я уверен, что Вероника Маунтрой нашла бы его просто отвратительным. Но Селин ходила с ним под руку и позволяла репортерам фотографировать себя рядом с ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.